

А. Л. Рогачевский¹

ГРАНИЦА И ЛЮДИ: ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ КОЛОНИЗАЦИИ В ПРУССИИ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (XV–XVII вв.)²

Одним из эффективных инструментов политического контроля над той или иной территорией издавна считается грамотно проводимая переселенческая политика. Исторический опыт разных стран говорит о том, что наибольших успехов на этом пути добивались те государства, где такая политика осуществлялась на долговременной основе, имела рациональный и плановый характер, приобретая подчас черты «социальной инженерии». Чаще всего это достигалось путем выработки специальных правовых механизмов, поощрявших поселение колонистов в определенной местности, что создавало надежную опору для властей.

Ярким примером такой политики является колонизация Пруссии, сыгравшая особую роль в судьбе Восточной Европы и развитии германской государственности. С XIII столетия и до 1525 года она была особым теократическим государством Тевтонского ордена, которое возникло на землях покоренных прусских племен. В XV веке в результате войн с Польшей и Литвой часть прусских земель (Западная Пруссия с городами Данцигом, Торном и Эльбингом) отошла к Польской короне. В руках ордена осталась Восточная Пруссия с ее центром Кенигсбергом. В 1525 году орденское государство подверглось секуляризации, и на его основе возникло Прусское герцогство. С 1701 года оно стало королевством.

Одним из важнейших аспектов прусской истории, получившим отражение в прусском праве, была сельская и городская колонизация. Почти непрерывный колонизационный процесс продолжался с XIII по XVIII век и стал фактором, который наложил свой отпечаток на все развитие Пруссии. Этот процесс проходил по-разному в зависимости от времени и региона. Тем не менее колонизация продолжала оставаться существенной особенностью развития Пруссии независимо от конкретных форм, которые принимала в ту или иную эпоху прусская государственность. Нормы, определявшие статус, права и обя-

занности колонистов, стали важнейшим элементом прусского права³.

Заселение прусских окраинных территорий в период после раздела прусских земель, то есть с середины XV до конца XVII века, обеспечивали правовые источники. Несмотря на то что границы Пруссии с Польшей и Литвой были формально определены еще в 1343–1466 годах (подтверждены в 1529 г.), ее приграничные области оставались мало заселенными. Орденские власти, опасаясь стихийной миграции из-за рубежа и возможной потери контроля над этой территорией, стремились заселить приграничную местность. Но немецких колонистов в достаточном количестве привлечь не удалось. Поэтому ставка была сделана в основном на выходцев из-за рубежа — поляков-мазовшан, литовцев и куршей. Происхождение и язык переселенцев в ту пору не играли особой роли, решающими факторами были религиозная принадлежность и лояльность властям. Немцы же селились прежде всего в городах.

Отношения поселенцев с властями регулировались особыми грамотами на землевладение, основанными либо на Кульмском праве (самый выгодный для колонистов вариант), либо на так называемом Магдебургском праве для обоюбого пола. Колонистам гарантировались личная свобода, умеренное и четко фиксированное налогообложение. В зависимости от местности и состава колонистов структура землевладения и связанный с ним правовой режим были различны. На границе с Мазовией воспроизводилась в основном привычная для мазовшан модель мелкошляхетской колонизации, которую власти считали целесообразным сохранить в приграничных землях. Деревни же, населенные крестьянами-чиншевиками, были в явном меньшинстве. В XVI–XVII веках все значительнее становится массив земель, принадлежащих дворянам. В отдельных амтах, особенно на западе герцогства, земли этих владельцев в 3–4 раза превосходили по площади земли свободного сельского населения (крестьян-кельмеров и мелкой шляхты).

¹ Профессор кафедры юридической психологии и правопедения Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук.

² Доклад подготовлен при поддержке Фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф) и Института им. Гердера (Марбург), которым автор выражает свою признательность. Кроме того, мы благодарим сотрудника Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине доктора Свена Экдаля (ныне в отставке) за помощь в поиске необходимых документов.

³ Рогачевский А. Л. Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002; *Он же*. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. (По материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб., 2004; *Kuhn W. Geschichte der deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit. Bd. II. Das 15. bis 17. Jahrhundert (Landschaftlicher Teil). Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart. Bd. 1/II. Köln ; Graz, 1957.*

Иную картину представляло переселение литовцев и куршей. Ощутимый приток литовского населения в орденские земли (особенно в пограничное комтурство Рагнит) начинается, по-видимому, еще в конце **XV столетия**. В Пруссии переселенцев охотно принимали, причем орден даже шел подчас на значительные траты, чтобы материально обеспечить литовских колонистов. После Реформации важным мотивом миграции мог стать религиозный фактор: значительная часть литовцев, сочувствовавших идеям протестантизма, предпочитала переселяться на территорию Прусского герцогства. Сначала литовская колонизация здесь протекала преимущественно стихийно. Но в первой половине **XVI века переселенцы стали официально обращаться к прусским властям с просьбами о расширении угодий, которые они теперь приобретали за плату.**

Колонисты принесли с собой принятые в Литве формы устройства, которые допускались орденскими, а затем и герцогскими властями. Большинство литовских переселенцев были крестьянами, часть их составляли также представители знати. Поначалу в литовских деревнях, вероятно, господствовало обычное право. Лишь постепенно здесь вводятся традиционные для страны властные и правовые институты, что было тесно связано с проникновением сюда немецкого элемента. Первыми очагами устройства на немецком праве обычно становились корчмы, служившие узлами торгового обмена. К концу **XVII века** особенно привлекательным становится землевладение на Кульмском праве, поскольку Прусское земское уложение (в редакции 1685 г.) объявляло такие имения полной собственностью их владельцев.

Район, примыкающий к морскому побережью, с **XV столетия** постепенно заселялся куршами. Он мало подходил для земледелия и привлекал в первую очередь рыбаков. Как и на прусско-мазовецком пограничье, орден был вынужден поощрять переселенцев, чтобы не допустить их оттока в сопредельную Жемайтию, подвластную Литовской короне. С 1462 года документально зафиксирован

ряд привилегий на имения и корчмы в окрестностях Мемеля, в основном на Кульмском праве.

Успех колонизации проявился и в основании новых городов. В герцогскую эпоху оно возобновляется с середины **XVI века**. **В ту пору возникли 12 общин: Тильзит (1552), Маргграбова (1560), Гольдап (1570), Ангербург (1571), Инстербург (1583), Прейсиш-Эйлау (1514–1585)¹, Летцен (1612), Ортельсбург (1616), Бартен (1628), Лабиау (1642), Иоганнисбург (1645) и Лика (1669).** В некоторых случаях (Прейсиш-Эйлау, Бартен) их образование служило уплотнению уже существующей городской сети, но большинство общин, получивших в этот период городские привилегии, возникли в зоне новой колонизации. Их становление происходило подчас в условиях острой конкуренции с польскими и литовскими городами по другую сторону границы.

Итогом всех этих мероприятий стало упрочение контроля прусских властей над окраинами, сопровождавшееся этнической и языковой стабилизацией в указанном регионе. На ход колонизации сильно влияло наличие границы Пруссии с Речью Посполитой. Поскольку переход ее обычно не составлял труда, у населения приграничных местностей существовала возможность миграции на территорию того государства, где переселенцам был обеспечен более выгодный правовой режим. В ходе заселения региона власти по обе стороны границы пытались перехватить друг у друга инициативу в деле колонизации. Хотя положение податных сословий постепенно ухудшалось, в целом привилегии, даруемые переселенцам, на протяжении **XV–XVII веков выступали как важный инструмент, позволявший облегчить процесс колонизации.** В силу ряда объективных и субъективных причин прусские власти нередко выигрывали в этом «соревновании».

Таким образом, проводимая в орденской, а затем и герцогской Пруссии политика открытых дверей, которая поощряла приток населения из-за рубежа, способствовала восстановлению хозяйства страны и дальнейшему освоению края.

¹ Изученные документы Прейсиш-Эйлау не опубликованы и извлечены из Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине.